

Цзя И внезапно пришел в себя. Он почувствовал, как всё тело пронзила невыносимая боль, и с ужасом осознал, что в его грудь вонзен бронзовый меч длиной в пол-локтя. В этот момент он стремительно падал откуда-то сверху.

Раздался грохот — черепица разлетелась вдребезги. Цзя И пробил крышу, и хотя падение немного замедлилось, он всё же рухнул внутрь дома. Он издал жалобный стон, следом за которым последовал хруст ломающихся костей. Перед его затуманенным взглядом вырисовывался чей-то мужской силуэт.

Вслед за этим раздался пронзительный женский крик. Сквозь полумрак Цзя И едва различал суету и шум. Он увидел, что мужчина, стоявший перед ним, будто чего-то опасаясь, резко развернулся и выпрыгнул наружу. После этого перед глазами Цзя И всё померкло, и он провалился в небытие.

Неизвестно, сколько прошло дней. Всё это время сознание его оставалось мутным и спутанным. Лишь смутно он ощущал, что какая-то женщина заботливо ухаживает за ним: обрабатывает раны, варит отвары и готовит снадобья.

— Ты наконец очнулся.

Цзя И открыл глаза и увидел перед собой мужчину. Стоило ему вспомнить события того дня, как он судорожно втянул воздух. Он попытался пошевелиться, но не смог выдавить из себя ни капли сил!

Ледяной холод сковал его сердце.

Мужчина подошел ближе, внимательно вгляделся в его лицо, быстро взглянул в окно, словно собираясь что-то сказать, но промолчал и молча удалился.

Где это место? Кто тот человек? Почему он хотел убить его? Разве не было уговора, что это последнее задание, после которого он вернет свое истинное имя? Почему полиция не пришла на встречу? Неужели они не получили ни одного из его сигналов?

Внезапно слышались шаги.

Цзя И поспешно закрыл глаза, продолжая притворяться бесчувственным. Сейчас его нервы были натянуты до предела. Он хотел знать, кто войдет в дверь. Только поняв, кто перед ним, он сможет попытаться спасти свою жалкую жизнь. Звук шагов за деревянной дверью заставил его сердце бешено колотиться. В голове он без конца молил лишь об одном: пусть это будет полицейский. Даже если это не тот, кого он знал, пусть даже это будет свирепый громила, который, едва войдя, наставит на него пистолет и начнет зачитывать права на арест — он будет рад любому.

Деревянная дверь тихо скрипнула.

Цзя И не удержался и бросил взгляд сквозь узкую щелочку прищуренных глаз. Силуэт, который в нормальной жизни мог существовать лишь на телеэкране, навсегда врезался ему в память. Вошедший был не тем полицейским, которого он ждал, и не кем-то из безумных наркоторговцев. Это была совсем юная девушка в грубой домотканой одежде. Её длинные волосы были разделены пробором и небрежно перехвачены сзади обычной бечевкой. В руках она держала глиняную чашу и плавно приближалась к нему.

Она опустилась на колени у изголовья, осторожно приподняла его корпус и влила в него густую черную жидкость. Как только снадобье коснулось языка, в желудок хлынула невыносимая горечь, словно там бушевал шторм. Несмотря на суровую подготовку, Цзя И невольно поморщился.

Заметив, что он поморщился, девушка так испугалась, что едва не выронила чашу. Она поспешно поставила её на пол, припала к его груди и начала быстро водить рукой, пытаясь помочь ему перевести дыхание. Она что-то шептала ему на ухо — голос её дрожал от тревоги, а речь состояла из тяжелого, непонятного диалекта. Цзя И не разобрал ни слова.

Однако, услышав радостные нотки в её голосе, он внутренне застонал: он понял, что больше не может притворяться беспмятным. Он изобразил, как с трудом разлепливает веки, и, обернувшись, увидел пару влажных, широко раскрытых глаз, которые лукаво и пристально смотрели на него. Только теперь Цзя И заметил, что перед ним стоит девушка с миловидным лицом, на вид которой было от силы шестнадцать-семнадцать лет.

Поразмыслив немного и не обнаружив в своей памяти никаких воспоминаний об этой девушке, он наконец успокоился.

Девушка, заметив, что он открыл глаза, хоть и готовилась к этому заранее, всё равно испугалась. Внезапно отбросив все смущения, она крепко обняла его и горько зарыдала. Из-за своего положения Цзя И всегда редко сближался с женщинами, и теперь, когда его внезапно заключили в объятия, он почувствовал себя несколько неловко. Он попытался приподнять девушку, но руки по-прежнему не слушались, и ему ничего не оставалось, как бросить эту затею. Только сейчас он заметил, что лежит вовсе не в больнице, а в каком-то странном месте. Окружающие стены были сделаны из утрамбованной желтой земли. Кроме того, в углу комнаты стояли какие-то глиняные кувшины и горшки — все они были из однотонной керамики (точнее, это была глиняная утварь). Из-за большого расстояния он не мог определить, настоящие ли это древности, но сама расстановка совершенно не подходила этой комнате.

Кем в конце концов был тот человек? Мало того, что он ранил его, так еще явно собирался убить свидетеля, почему же он вдруг ушел? Неужели эта девушка тоже непростая?

Сдерживая переполнявшее его недоумение, Цзя И благодаря многолетнему опыту знал: порой молчание — это единственный выход. Он просто ждал, пока девушка сама успокоится, и

хранил молчание.

Девушка что-то бормотала себе под нос, но, заметив, что Цзя И никак не реагирует, испугалась. На ее глазах выступили слезы, она крепко обняла его обеими руками, а речь ее стала еще быстрее. К этому моменту Цзя И уже полностью пришел в себя. Десятилетия бурь и невзгод позволили ему быстро взять себя в руки. Хоть он и не мог пошевелиться, рассудок его оставался ясным. Внимательно прислушиваясь к словам девушки, он к своему удивлению понял большую их часть: она говорила вовсе не на бирманском наречии, а на диалекте Хэнани. Уловив смысл, Цзя И понял, что она, судя по всему, переживает за него. Внезапно в груди у него холодно ёкнуло, и он тихо спросил:

— Ты кто?

Услышав это, девушка замерла от неожиданности и умолкла. Широко раскрытыми глазами, не мигая, она уставилась на него и сквозь слезы произвела:

— Супруг мой, да я же Сыянь! Неужели ты забыл меня?

Хотя она выпалила это на одном дыхании, Цзя И расслышал каждое слово и сразу потерял дар речи. Что он мог сказать? В его памяти, разумеется, не было никакой Сыянь, да и вся обстановка казалась ему до крайности чуждой. Неужели он и правда умер, и это преисподняя? Цзя И даже усмехнулся про себя от этой нелепой мысли — в двадцать первом веке он никогда не верил ни в каких духов и божеств. Но тогда где же это?

Какое-то время оба молча погрузились в собственные мысли, не смея нарушить тишину. Для самого Цзя И это было еще терпимо, но вот девушка, и без того одетая в легкое платье, к тому же прекрасно сложенная, прижималась к нему так крепко, что их положение почти ничем не отличалось от полного обнажения.

Долгое время спустя девушка тяжело вздохнула и тихонько промолвила:

Очевидно, говорила она на каком-то другом диалекте, которого Цзя И прежде никогда не слыхивал, поэтому он озадаченно переспросил:

— Что?

Девушка повторила снова, но на этот раз перешла на тот язык, на котором говорила до этого. Оказалось, она сказала, что она дурнушка и всего лишь наложница Цзя И, и если он захочет взять в жены главную госпожу, это вполне естественно — она лишь молит об одном: чтобы он не прогонял ее.

Анализируя ее слова в уме, Цзя И машинально бросил:

— А где это — здесь?

Девушка, похоже, смертельно боявшаяся лишиться его, лишь тихо ответила:

— Да ведь это наш собственный дом! На этот раз пришла очередь Цзя И унывать: ответ девушки был абсолютно верным, но, как и в случае с математиком, правильный ответ зачастую оказывается совершенно бесполезным. Цзя И пришлось переформулировать вопрос, и лишь тогда он узнал, что находится в месте под названием Фэнли в Луочэне округа Саньчуань. Сколько бы Цзя И ни напрягал память, он никак не мог припомнить, что это за округ

Саньчуань, а о Луочэне и Фэнли и вовсе не имел ни малейшего представления. Тогда Цзя И был вынужден расспросить о собственных делах, особенно о том, почему в тот день, когда он рухнул сквозь крышу ветхой постройки, у него в груди торчал короткий меч. Сейчас он надеялся исподволь, не раскрывая своей истинной личности, вывести хоть какие-то полезные сведения — в конце концов, происходящее казалось Цзя И необъяснимо странным.

Услышав его вопрос о тех событиях, хорошенькое личико девушки слегка побледнело, и она со страхом произвела на свет:

— С тех пор как три года назад вы ушли вместе с батюшкой, мы с матушкой день и ночь ждали вашего благополучного возвращения. Но в один прекрасный день матушка внезапно пропала. Как ни искали её всем селом, следов так и не нашли. Я осталась дома одна, ожидая вас, и это ожидание затянулось на три года. В тот день я только легла спать, как услышала снаружи какой-то шум. Вышла посмотреть — а вы падаете с неба и проламываете крышу нашего дома! Поначалу я не признала в вас мужа, приняла за какого-то вора и закричала от страха. К счастью, сбежались соседи и перенесли вас в другую комнату.

Закончив говорить, она на мгновение замолкла и, заметив, что Цзя И о чём-то задумался, робко спросила:

— Разве вы с батюшкой не отправлялись в Хэнань? Прошло уже три года, почему же батюшки не видно? Уж не убили ли его хунну?

Хэнань? Хунну? Сведений было крайне мало, но теперь Цзя И точно знал, что по-прежнему находится в Китае, хотя здесь явно что-то изменилось. В его голове зашевелилась какая-то догадка, но ухватить её никак не удавалось.

— Хунну? Это монголы или русские? — пробормотал он.

Услышав это, девушка испуганно задрожала всем телом, торопливо уложила его обратно, опустилась на колени рядом с ложем и принялась отбивать поклоны, приговаривая сквозь слёзы:

— Во всём виновата ничтожная наложница! Во всём виновата ничтожная наложница! Если муж гневается, умоляю, убейте меня, только не терзайтесь сами, поберегите здоровье!

Видя такую реакцию, Цзя И почувствовал укол в сердце и сказал:

— Сыянь, я вовсе не сержусь на тебя. Просто... почему-то я почти ничего не помню.

Девушка по-прежнему ничком лежала на полу, её тело продолжало мелко дрожать — очевидно, от пережитого ужаса она не смела подняться. Тихо всхлипывая, она пролепетала:

— Разве муж сам только что не сказал, что батюшку убили хунну? Ничтожная родом из хунну; если муж затаил обиду, пусть убьёт Сыянь, только молю, не прогоняйте меня!

Ошеломлённый Цзя И переспросил:

— Ты — хунну? А что это за место?

Напуганная ещё сильнее, Сыянь и вовсе перестала говорить, лишь исступленно мотала головой.

Само слово «хунну» было ему знакомо, но познания Цзя И об этом народе ограничивались школьными учебниками: он знал лишь, что Мэн Тянь разгромил хунну, заставив варваров бояться сойти на юг и пасти коней, да что в эпоху династии Хань с ними велись войны. Никаких других исторических подробностей он не ведал. Внезапно в его голове мелькнула догадка, и он тихо произнес:

— Хунну? Разве это не из древности?

Только теперь он обратил внимание на одежду стоящей на коленях Сыянь, да и тот человек, который пытался его убить, был облачен в старинные одежды.

Хотя в душе Цзя И бушевали нешуточные страсти, он всё же подавил внутреннее волнение и постарался говорить как можно спокойнее:

— Ладно, Сыянь, не бойся. Я ни в чём тебя не упрекаю. Я ведь только что сказал «или русские», а не «хунну обидели твоего слугу». К тому же, если отца и впрямь убили хунну, так это война между двумя государствами, какое к тебе это имеет отношение?

Хотя Сыянь понятия не имела, кто такие русские, видя, что Цзя И не сердится, она робко приподняла голову.

— Ничтожная происходит из низов, и для меня величайшая милость — служить мужу. Если муж пожелает, он может просто убить меня.

Цзя И не знал, что у хунну искони царил рабовладельческий строй, где жёны, дети и сородичи считались собственностью мужей и старейшин, точно скот. Их можно было менять, продавать, а если кто-то не нравился, можно было зарезать на месте без лишних разговоров.

Сыянь с самого рождения росла с матерью и собственными глазами видела, как ту передавали из рук в руки, словно барана или корову, сменивших бессчётное число хозяев. Несколько раз случалось так, что стоило матери выйти замуж, как её муж умирал, а у хунну испокон веков существовал обычай левирата — переходить к братьям покойного. Тогда братья забирали её мать в наложницы. Желая уберечь Сыянь от подобной участи, мать внушила ей, что южане (так хунну называли жителей империи Цинь) всегда неизменно бережно относятся к наложницам, после чего отдала её торговцам людьми, увозившим её на юг, в надежде, что девочку удастся пристроить в добрые руки — лишь бы не оставлять её среди хунну. Именно тогда, три года назад, родители Цзя И и выкупили Сыянь.

Не понимая этих тонкостей и полагая, что она просто боится его гнева, Цзя И сменил тему:

— Какой сейчас год?

Услышав это, Сыянь бросила взгляд на окно и ответила:

— Должно быть, скоро полночь.

Цзя И тихо усмехнулся: как и в прошлый раз, ответом на его вопрос стала абсолютная точность, хотя желаемого он так и не услышал. Отмахнувшись от этой темы, он продолжил:

— Я же говорил тебе: возможно, из-за тяжёлого ранения я многое позабыл. Ты знаешь, какой император сейчас правит в Поднебесной?

Сыянь на мгновение растерялась, а затем торопливо произнесла:

— Разве под Небесами может быть больше одного императора? Откуда взяться второму? Мужу впредь не стоит говорить такое посторонним! Законы Цинь суровы, за малейшую провинность можно лишиться рук или головы, а то и навлечь кару на весь род. Мне-то умереть не страшно, но батюшка пал в битве при Хэнани, матушка уже много лет как пропала, и в нашем роду остался лишь вы один — кому-то же нужно продолжать род благовоний и разыскать матушку. Если оплошать хоть в малейшем, ни девять смертей не искупят вины ничтожной!

Законы Цинь? Выходит, сейчас эпоха империи Цинь. А битва при Хэнани — это не что иное, как северный поход Мэн Тяня против хунну! Точного года Цзя И, конечно, не знал, но в ту пору страной явно правил Цинь Шихуан, так что неудивительно, что Сыянь утверждала, будто под Небесами есть лишь один император.

Получив подтверждение своим догадкам, Цзя И оставалось лишь горько усмехнуться. Вспомнив слова Сыянь о том, что в доме остались только они двое, он преисполнился глубокой жалости к девушке: такая красавица провела в одиночестве целых три года, и трудно даже представить, через сколько лишений ей пришлось пройти.

Видя, что Цзя И молчит, Сыянь тихо добавила:

— С тех пор как муж с батюшкой ушли из дома, ничтожная каждый день молила Небеса проявить милосердие и вернуть их живыми и невредимыми. И когда я уже почти отчаялась, Небо наконец сжалилось и вернуло мужа. Наверное, это батюшка защищает нас с того света, не позволив прерваться роду Цзя.

Выслушав её, Цзя И подумал, что Сыянь на редкость рассудительна и совсем не похожа на простую деревенскую бабу. Впрочем, возможно, женщины в эту эпоху все были озабочены продолжением рода. Не разбираясь в местных обычаях, Цзя И решил больше об этом не думать.

<http://bllate.org/book/21107/2142387>